

К 450-ЛЕТИЮ ПРЕСТАВЛЕНИЯ
ПРЕПОДОБНОГО МАКСИМА ГРЕКА

Н. В. Сеницына*

Новые данные
о российском периоде жизни
преподобного Максима Грека
(материалы для научной биографии)

Подготовка к печати нового издания сочинений прп. Максима Грека сопровождалась не только их текстологическим исследованием, анализом рукописной традиции, решением проблем атрибуции и датировки. Был также выявлен или уточнен ряд фактов и обстоятельств его пребывания в России, чем укрепляется, делается более надежной база создания полной научной биографии писателя, богослова, филолога. В ней до самого последнего времени остается много не подтверждаемых источниками, но повторяющихся клише, противоречивых суждений, в том числе и о некоторых ключевых событиях. Одной из причин такой ситуации была сложная структура Судного списка, в котором перемешана информация о судах 1525 и 1531 гг. Другая причина — противоречия в Сказаниях о прп. Максиме, остающихся одним из главных источников для описания его судьбы после 1531 г. Эти противоречия далеко не всегда удается разрешить с помощью собственных сочинений ученого афонского монаха, хотя в них имеется значительный биографический материал. Другие же источники — документальные, актовые свидетельства, летописные известия — для 2-го периода жизни прп. Максима почти отсутствуют, в отличие от периода 1518–1525 гг., о котором говорят и акты, и летописи, и дипломатические документы¹. Недавняя публикация двух главных Сказаний о прп. Максиме Греке, значительно уточняющая издание С. А. Белокурова, позволила снять ряд этих противоречий².

В предлагаемой статье речь пойдет о нескольких группах фактов пребывания в России ученого афонского монаха, для которых сделаны существенные уточнения.

* © Сеницына Н. В., 2006

Нина Васильевна Сеницына, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Статья написана в рамках программы ОИФН РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте». Проект «Проблемы духовного просвещения и православной культуры в России (XVI–XVII вв.)».

Хронология первых переводных трудов

Следует отказаться от бытующих в историографии утверждений, согласно которым прп. Максим был приглашен для перевода Толковой Псалтири, и это был его первый перевод, заверченный через год и 5 месяцев после приезда в марте 1518 г. Ни в одном источнике не названа книга, заранее выбранная для перевода, речь идет лишь о просьбе прислать «переводчика книжного на время». Напротив, из послания великому князю Васлию III о переводе Толковой Псалтири следует, что выбор был сделан уже в Москве³.

На известии о выборе книги и осмотре греческих книг великокняжеской библиотеки основан красочный рассказ одного из Сказаний. Собрание греческих книг московской «книгохранительницы», сообщается в нем, вызвало восхищение ученого грека, сказавшего великому князю, что ему не довелось видеть в таком большом объеме «греческие книги» даже у себя на родине. Довольный этими словами великий князь поручил выделить те, которые еще не переведены на «словенский» язык. Особо следует обратить внимание на известие Сказания о том, что прп. Максим составил своего рода опись непереведенных греческих книг царской библиотеки («имена книгам тем явственно сотвори»), а Василий III приказал хранить их отдельно от других. Именно в такой редакции (а не непосредственно в редакции послания Васлию III о переводе Толковой Псалтири) известие повлияло на распространенную позже версию об античной библиотеке Ивана Грозного (в Сказаниях упоминается его отец). Ни в послании, ни в Сказании не уточняется, впрочем, о каких греческих книгах идет речь — античных или христианских. Но редактор-переписчик Сказания в XVII в. счел необходимым добавить, что прп. Максим обнаружил «святыя» греческие книги⁴.

В источниках не упоминается о том, что прп. Максим приступил к переводу Толковой Псалтири сразу по приезде в Москву (март 1518 г.). Напротив, записи на рукописях свидетельствуют, что первым был перевод Толкового Апостола, начальная часть которого (Деяния) переведена к марту 1519 г. (запись на одной из самых ранних и авторитетных рукописей РГБ, ф. 304, Троицк. 118, л. 153 об.). Эта часть занимает около четверти всего памятника. Дальнейшие части (Апостольские послания) переводились в течение 1519–1520 гг., возможно, еще и в начале 1521 г., хотя записи в рукописях отсутствуют. Перевод же Толковой Псалтири, согласно записи на многих рукописях, был завершен в декабре 1522 г. Поскольку в упомянутом послании Васлию III говорится, что перевод занял 1 год 5 месяцев, то надо сделать вывод, что перевод выполнялся между июнем 1521 г. — декабрем 1522 г., а благословение митрополита Варлаама, упомянутое в записи декабря 1522 г. (когда он был уже низложен), следует относить к началу этого срока (около июня—июля 1521 г.)

Причины второго суда и характер Судного списка

При изучении 2-го периода жизни в России (после осуждения 1525–1531 гг.) одним из самых неясных оставался вопрос о причинах 2-го суда: за-

чем понадобилось судить уже осужденного, находившегося в заточении узника, лишённого причастия. В связи с этим следует обратить внимание на источник, ранее не привлекавший внимания исследователей. В Описи архива Посольского приказа 1626 г. среди «грамот греческих» упомянута пергаменная грамота 1531 г. Василию III прота Святой Горы Анфима с его подписью и печатью: «Грамота на харатье к великому князю Василью Ивановичю всеа Руси прота Святыя Горы Анфимы ермонаха, писана лета 7039-го году, за рукою и за печатью прота Святыя Горы еромонаха»⁵.

Грамота не сохранилась, содержание ее в Описи не раскрыто, но совпадение ее даты с датой 2-го суда не оставляет сомнений в том, что судьба прп. Максима занимала в ней какое-то место. Важно особо отметить 2 обстоятельства. Во-первых, совпадение имени прота, направившего грамоту в 1531 г., с именем игумена Ватопеда Анфимия, направившего в 1516 г. «брата Максима» в Москву с грамотами Василию III и митрополиту Варлааму. Возможно, это одно и то же лицо. Во-вторых, соединение в 1515 г. двух просьб Москвы к афонским властям — о переводчике и молитве о рождении наследника (брак великого князя оставался бездетным в течение уже 10 лет); просьба о переводчике излагалась попутно. Так судьба афонского ученого монаха с самого начала невольно оказалась в сопряжении с историей московского престола, с жизнью великокняжеской семьи. Долгожданный наследник (будущий царь и великий князь Иван IV Васильевич Грозный) родился в августе 1530 г., т. е. незадолго до 2-го суда, который проходил, вероятно, в мае 1531 г., как следует из Судного списка Вассиана (Патрикеева). Вполне естественно предположить, что грамота прота Анфима 1531 г. содержала поздравления по случаю этого важного события и попутно (снова попутно) просьбу об облегчении участи ученого монаха и его возвращении в родную обитель.

Если это предположение справедливо, то получает объяснение цель 2-го суда — выработка ответа на ходатайство прота. Однако отрицательный ответ был предопределен заранее, судебное разбирательство исходит из презумпции виновности. Основанием для прощения осужденного могло быть его покаяние, но Судный список 1531 г., напротив, начинается — еще до изложения хода суда — констатацией того, что узник Иосифова монастыря не показал «покаяния и исправления», говорил, что ни в чем не виновен; более того, якобы были найдены «новейшие хулы», подтверждавшие его еретичество (что, по логике, делало освобождение невозможным): «прибыльа новейшая хулы на Господа Бога, и на Пречистую Богородицу, и на церковныя уставы и законы и прочяя»⁶.

Становится понятной и структура, противоречивость Судного списка, в котором смешаны, как будто перепутаны, обвинения 1525 и 1531 гг., но ясна его основная тенденция и цель — выбор, подбор, компиляция таких эпизодов обоих судов, которые подтверждали бы, во-первых, обоснованность осуждения 1525 г. (с точки зрения судей), во-вторых, невозможность освобождения в 1531 г. Судный список призван был продемонстрировать виновность осужденного, сделать ее очевидной как в Москве, так и на Афоне. Не случайно изложение судебного разбирательства 1531 г. начинается с обвинения

Максима в том, что он пытался «поднять» турецкого султана на русского царя и даже якобы выражал уверенность в поражении последнего, хотя этот эпизод, бесспорно, относится к суду 1525 г. Для Афона отношения султаната с Москвой были далеко не безразличны. Как бы ни велика была надежда на освобождение греков от османского владычества и на помощь русского православного царя, но власти Афона не могли не осознавать, что любое столкновение Турции и России могло отразиться и на положении греческого православия. Узник, якобы провоцировавший такое столкновение и уверенный в его негативном для великого князя исходе, уже в начальном фрагменте дела дискредитировался в глазах и афонских, и московских властей.

Находит объяснение еще одна особенность Судного списка — отсутствие в нем отдельного приговора 1531 г. Разбирательство 1531 г. завершается решениями 1525 г., изложенными в грамотах великого князя и митрополита в Иосифо-Волоколамский монастырь. Они лишь дополнены решениями относительно тех лиц, которые были привлечены в 1531 г. (в частности, Михаила Медоварцева и Исаака Собаки)⁷. Эта особенность не случайность, не следствие утраты документов, не результат неопытности редакторов-составителей. Помещая грамоты 1525 г. после суда 1531 г., они демонстративно заявили о невозможности иного решения для волоколамского узника, о ненужности, с их точки зрения, нового приговора, о сохранении действенности решений 1525 г. Это была тенденция памятника, который представлял собой не столько публицистическую обработку подлинных протоколов, сколько такую обработку, которая призвана была выполнять своего рода правовую функцию, была создана вскоре после суда 1531 г., хотя нельзя исключить, что в том виде, в котором она дошла до нас в составе Сибирского сборника, она могла быть подвергнута некоторой обработке при соединении ее с материалами Собора 1548–1549 гг.

Тенденциозность Судного списка проявилась и в том, что он умолчал о фактах раскаяния обвиняемого. Сам он позже напоминал митрополиту Даниилу: «Тогда отвечал я вашему священному Собору, что если и оказалась в моих переводах некоторая дерзость, то не из-за ереси или лукавства какого-то. Бог свидетель — случайно, либо по забывчивости, либо по скорби, смутившей тогда мою мысль, или по излишнему винопитию, в которое я погрузился, было что-то написано тогда. Но еще и трижды падал ниц перед вашим священным Собором, прощения просил за то, что по неведению допустил описки. А ваши преподобия — не знаю, как они обо мне советовались, — вместо прощения и милости оковы снова дали мне, и снова я был заточен, и снова затворен, и снова окружен озлоблением»⁸. Но в Судном списке этого нет.

Последние слова особенно важны для понимания судьбы узника после 1531 г. Оказывается, он вовсе не сразу получил «ослабу», но, напротив, снова был заключен в оковы и отправлен в заточение. Об этом же свидетельствует и краткое сочинение, в котором обозначена дата — 7040 г. (т. е. период между сентябрем 1531 — августом 1532 г.). Даты встречаются в сочинениях этого автора далеко не часто, как правило, если он пишет о каких-то очень важных событиях. Так, среди сочинений 1-го периода дата обозначена лишь

в одном из посланий — Ф. И. Карпову против астрологии 1524 г. Это был год, когда ожидалось предсказанное в венецианском астрологическом альманахе всеобщее «преиначение», в котором увидели предсказание нового всемирного потопа. В России его распространял Николай Булев, полемике с которым, обличению астрологических предрассудков посвящено датированное послание Карпову⁹. В 1531/32 г. Максим Грек пишет сочинение «Сия слова сътворил ест инок в темници затворен и скорбя... в 7040-е лето»¹⁰. Обозначая дату, автор, надо полагать, выделяет такую веху своей жизни, как возвращение к литературной деятельности, возможность писать (что было запрещено в 1525 г.).

Видимо, в этом и заключалась некоторая «ослаба» после суда 1531 г., лишь в таком ограниченном объеме была удовлетворена просьба прота. Но затвор, темница и скорбь сохранялись по крайней мере осенью 1531 г. или на протяжении части 1532 г. (суд, напомним, состоялся в мае 1531 г.). Однако остается неясным, в каком монастыре находилась эта темница и куда он был отправлен после 2-го суда. Единственным источником, содержащим известие о том, что после Собора Вассиана отправили в заточение в Иосифов монастырь, «Максима же — во град Тверь, ко Акакию епископу, до уреченных лет», является «Выпись о втором браке Василия III» — памятник тенденциозный, содержащий не подтверждаемые другими источниками известия¹¹. В Выписи смешаны Соборы 1525 и 1531 г., составитель их не различает. Не ясно, откуда взяты и достоверны ли сведения об «уреченных летах», т. е. о заранее обозначенном определенном сроке. Выпись создана позднее описываемых в ней событий¹².

1531/32 г. был важной вехой в творческой биографии прп. Максима еще потому, что он приступил к составлению собрания своих сочинений, призванного доказать его невиновность, донести взгляды и позицию в неискаженном виде. «Лету 7040-му наставшу, егда нача Максим книгу сию составлять», — говорится в начале Предисловия в ряде списков одной из разновидностей этого авторского собрания (Соловецкое собрание, по классификации 1977 г.)¹³.

Продолжительность заточения, дата освобождения

Два главных сказания о прп. Максиме Греке содержат противоречивую информацию о продолжительности его заточения. Одно из них (в публикации С. А. Белокурова № 7) говорит о 22-х годах заточения, при этом членение фразы и расстановка знаков препинания выполнены так, будто речь идет о тверском заточении. Датой освобождения становится 1553 г., что не подтверждается другими источниками. Другое Сказание (в публикации Белокурова № 6) называет 30 лет общего заточения, так что получается, будто он оставался в заточении до 1555 г., почти до самой смерти, чему противоречат слова этого же Сказания о роли троицкого игумена Артемия в его освобождении, что могло быть лишь в 1551 г. Новая публикация обоих Сказаний, выполненная с учетом рукописей, неизвестных Белокурову, в том числе и более ранних, позволила эти противоречия снять либо объяснить.

Наибольший интерес исследователей вызывало 1-е Сказание (т. е. № 7 у Белокурова, № III в издании 2006 г.)¹⁴. Белокуров, будучи противником версии об античной библиотеке Грозного, считал его поздним сочинением (в пределах 1-й трети XVII в.) и находил недостоверным известие о «безчисленном множестве греческих книг» царской книгохранильницы. А. И. Соболевский (сторонник версии), напротив, полагал, что оно написано вскоре после смерти прп. Максима. И. Денисов попытался определить автора, предположив, что им был князь А. М. Курбский, написавший Сказание еще до бегства в Литву, т. е. до 1564 г. Предположение об авторстве Курбского было справедливо отвергнуто В. В. Калугиным, однако вслед за Соболевским исследователь также писал о его раннем происхождении¹⁵.

Белокуров выделил 2 редакции Сказания — «подробную» и «сокращенную», но опубликовал лишь одну — по списку Пространной («подробной»), а для Краткой набрал в разрядку отсутствующие в ней тексты Пространной редакции. Этим затруднялось адекватное восприятие Краткой редакции, и она оставалась практически вне поля зрения исследователей. А между тем в ней имеются существенные отличия, важные для понимания ряда ключевых фактов. Нельзя исключить того, что она могла предшествовать Пространной.

В издании 2006 г. обе редакции опубликованы самостоятельно. Пространная редакция представлена списком Первоначального вида этой редакции в рукописи Нижегородской библиотеки конца XVI в., который с бесспорностью доказывает, что редакция создана не позднее этого времени, точнее, около 1587 г.¹⁶ Троицкий (точнее, Троицко-Соловецкий) вид Пространной редакции приведен в разночтениях по списку Троицкого собрания сочинений прп. Максима Грека (РГБ, ф. 304, Троицк. 200, л. 17–18 об.) и по рукописи середины XVII в., связанной с деятельностью известного соловецкого книжника Сергия (Шелонина) (РГБ, Сол. 741/851, л. 234–240 об.). О Троицком происхождении этого вида свидетельствует сделанное в нем дополнение о месте рождения и о родителях прп. Максима, взятое из Троицкой рукописи типа МДА 153 (см. примеч. 18).

Краткая редакция известна в настоящее время в тех же трех списках, которые использовал Белокуров, и издана по рукописи РНБ, Сол. 752/862, л. 3–7 (1-я треть XVII в.)¹⁷ Она была принесена в Соловецкий монастырь из Троице-Сергиева старцем Иоасафом Сороцким в 1634 г. Возможно, он же принес и Пространную редакцию; в другой рукописи Сергия (Шелонина), уже упомянутой Сол. 741/851, помещены обе редакции: в конце, на л. 234–240 об., — Пространная (Троицкий вид), а в начале — Краткая, т. е. та же, что в Сол. 752/862.

Первоначальный вид Пространной редакции имеет лаконичное и вполне нейтральное название: «Сказание о Максиме инока, святогорце Ватопедьския обители», но в Троицком виде оно распространено, акцентируя тему страдания за истину: «Сказание о Максиме философе, иже бысть инок Святыя Горы Афонския преславныя обители Ватопедския, иже zde и пострада доволна лета за истину». По одному из списков Троицкого вида текст был опубликован Белокуровым. В Краткой редакции название столь же нейтрально, как

и в Первоначальном виде Пространной, но вместе с тем оно обнаруживает и связь с Троицким видом: «Сказание о Максиме философе, иже бысть иннок Святых Горы Афонския преславных обители Ватопедския честнаго ея Благовещения, и како прииде на Москву»¹⁸. Название в Краткой редакции, как видим, обнаруживает одновременно 2 линии связей — и с нейтральным названием Первоначального вида Пространной (по смыслу), и с ее Троицким видом (по форме). Тема страдания не только не акцентирована в названии Краткой, но полностью отсутствует; а в содержании проявится эта же особенность — минимизация преследований и бед прп. Максима. Это Сказание (будем называть его по Первоначальному виду «Сказание о Максиме иноке, святогорце») наиболее важно при реконструкции биографии, прежде всего 2-го периода, дает ее основную канву; хотя информация и невелика по объему, но предстает как ствол, или остов, биографических сведений, особенно в заключительной части.

В Пространной редакции можно выделить следующие единицы информации, условно их пронумеровав для удобства дальнейших сопоставлений.

[1]. Обретение московским великим князем Василием III «безчисленного множества греческих книг» («в некоторых палатах»).

[2]. Моление к Константинопольскому Патриарху о переводчике.

[3]. Поиски переводчика и отправление его в Москву.

[4]. Краткие сведения о переводчике.

[5]. Почетный прием переводчика в Москве и осмотр им «царской книгохранильницы».

[6]. Оценка прп. Максимом греческих книг, хранящихся в Москве, и рассказ о сожжении греческих книг латинянами после падения Царствующего града.

[7]. Рассмотрение книг переводчиком, выделение (по поручению великого князя) тех, которые не переведены на «словенский», и составление их списка (своего рода описи): «имена книгам тем явьственно сътвори»; приказ великого князя об их особом хранении в сопровождении описи («особь их блюсти и писание пологати»).

[8]. Поручение Василия III перевести Толковую Псалтирь, описание процесса перевода.

[9]. Соборное свидетельствование перевода Толковой Псалтири, его одобрение.

[10]. Почет, оказываемый переводчику, и его роль «молебника» к православному государю за впавших в грех «царских синклитов».

[11]. Девять лет трудов по переводу и исправлению книг.

[12]. Клевета, зависть и лжесвидетельства «небратолюбцев», обвинивших прп. Максима в ереси и государственной измене («врага богохранимееи земли Русстей»).

[13]. Лаконичное сообщение об осуждении и 22 годах заточения. В публикации 2006 г. (на основе Краткой редакции) иная расстановка знаков препинания, чем в издании Белокурова, что будет аргументировано далее.

[14]. «Ослаба» в Твери от Тверского епископа Акакия по благословию митрополита Иоасафа (1539–1542).

[15]. Благословение на причащение от митрополита Макария.

[16]. Написание «Исповедания веры» и ряда «обличительных словес», «поучительных» сочинений и др.

[17]. Перевод из Твери в Троицу по поручению царя Ивана IV (дата не указана).

[18]. Преставление в 7064 (1555/56) г.

[19]. Цель написания Сказания.

Сказание в большей части своего объема (в пределах л. 5–8 основного списка в публикации 2006 г., пункты 1–10) посвящено по преимуществу истории прихода на Русь прп. Максима и его переводам, прежде всего Толковой Псалтири, и основано на послании Василию III, но повествование расцвечено рядом подробностей, либо бесспорно вымышленных, либо не поддающихся проверке. В этой части Пространная и Краткая редакции почти полностью совпадают (с небольшим числом исключений).

Значительно меньше по объему (л. 9–10 рукописи, пункты 11–19) 2-я часть. Она посвящена самому трудному периоду жизни, после осуждения. Источником послужили сочинения самого прп. Максима Грека, прежде всего «Исповедание веры», а также, по-видимому, устная традиция, еще свежая в конце XVI в. Здесь вымышленных деталей уже нет. Несмотря на ее краткость, эта часть наиболее ценна для биографии, так как содержит известия, не отраженные в других источниках, среди них — о продолжительности заточения. Эти известия должны быть тщательно проанализированы с точки зрения их достоверности. В этой части наблюдаются гораздо более значительные различия между Пространной и Краткой редакциями, при этом Краткая дает более точную информацию.

В 1-й части Сказания вымышленным является пункт 2-й — об отправлении просьбы о переводчике не на Афон (что подтверждается актовым материалом), а в более высокую инстанцию — к Константинопольскому Патриарху. Не является ли эта новация Сказания одним из аргументов (хотя и косвенным) для его датировки периодом 80-х гг. XVI в.? Шла подготовка к учреждению патриаршества, судьба ученого афонского монаха, перипетии его жизни в Москве приобрели особое значение, наблюдался взлет интереса к его творчеству. Вымысел оказался очень привлекательным, и другое Сказание (№ 6 у Белокурова, № V в издании 2006 г.) отправляет просьбу о переводчике не к Патриарху, а к турецкому султану. Здесь проявилась уже другая идейная линия — констатация благожелательного отношения султанов к православию.

В пункте 3-м недостоверен рассказ о поисках переводчика по поручению Патриарха. Рассказ о двух кандидатах имеет реальную основу: сообщение в послании Василию III о том, что первоначально предполагалось послать в Москву другое лицо — некоего Савву, но по причине его болезни и отказа в Москву был отправлен Максим. Но рассказ видоизменен, а имя первоначально предполагавшегося кандидата искажено в Пространной редакции

(«Данил»), но правильно передано в Краткой («Сава»); в одном из списков Пространной, впрочем, сделана правка, имя «Данил» заменено на «Сава».

В пункте 4-м обнаруживается сходство между Первоначальным видом Пространной редакции и Краткой редакцией (их составители не знали места рождения героя и имен родителей). Это наблюдение имеет важное текстологическое значение. Оно (наряду с другими) может говорить о том, что обе редакции восходят к архетипу самостоятельно (зависимость какой-либо одной от другой не прослеживается). Но его структуру, объем, степень близости к нему каждой из редакций определить пока сложно. Информация о родителях и месте рождения включена в Троицкий вид Пространной редакции на основе записи того же типа, что в рукописи РГБ, ф. 173, МДА. Фунд. 153¹⁸.

В пункте 6-м особый интерес представляет противопоставление сохранения в Москве «бесчисленного множества греческих книг» и сожжения латинянами греческих книг, вывезенных из Константинополя, о чем пойдет речь в конце статьи.

В пункте 7-м, как уже говорилось, имеются указания на составление прп. Максимом какой-то описи греческих книг царской книгохранительницы. Подобного сообщения нет ни в послании Василию III, ни в других источниках, но это может оказаться важным в исследовании версии об античной библиотеке московских царей. В Краткой редакции значение известия ослаблено, но намек на некую опись имеется, упомянуто предписание Василия III о греческих книгах — «особо их блюсти и писание полагати».

В пункте 8-м отметим изначально искаженное чтение Пространной редакции в известии о длительности перевода Толковой Псалтири («за год и месяца шесть»). В Краткой указано: «за год и месяца шесть», что очень близко к источнику — посланию Василию III (1 год и 5 месяцев).

Неизвестно, на каких источниках основана информация в пункте 9-м о соборном свидетельствовании перевода Толковой Псалтири. Она важна еще и потому, что с нею связано другое Сказание (№ 1 у Белокурова, № IV в публикации 2006 г.) Исайи Каменчанина (1591 г.) о соборном свидетельствовании «священной книги Максимовы», но это происходит уже с участием царя Ивана Васильевича и митрополита Макария. Из контекста очевидно, что в Сказании № IV речь идет о Псалтири (без толкований), переведенной прп. Максимом для Нила Курлятева в 1552 г., поскольку текст Исайи является предисловием к списку Псалтири XVII в. Это сходство свидетельствует о какой-то связи по происхождению между разными Сказаниями. Предисловие-сказание Исайи в свою очередь обнаруживает связь со Сказанием, опубликованным у Белокурова (№ 6) и в издании 2006 г. (№ V), его название — «Сказание известно о приходе на Русь Максима Грека, и како претерпе до скончания своего». Проблема требует дальнейшего исследования. Название обнаруживает связь и с Троицким видом Пространной редакции текста № III («иже и пострада» — «како претерпе»), и с Краткой редакцией («како прииде на Москву» — «о приходе на Русь»).

В пункте 11-м информация о 9 годах трудов по переводу и исправлению книг основана на «Исповедании веры», где автор пишет, что в течение именно такого срока он пользовался расположением и милостью Василия III; отсчет ведется не от 1518 г., когда он прибыл в Москву, а непосредственно от 1516 г., когда он в ответ на просьбу великого князя отправился с Афона.

С пункта 10-го начинаются гораздо более существенные различия между редакциями. Этот пункт в Краткой редакции отсутствует, что пока не имеет сколько-нибудь серьезного значения. Но отсутствие в Краткой пункта 12-го помогает глубже уяснить замысел и, может быть, даже некоторые проблемы происхождения обеих редакций. Дело в том, что пункт 12-й Пространной редакции посвящен причинам и обстоятельствам заточения афонского монаха, смягчая при этом факты его осуждения. Эти причины — зависть неких «небратолюбцев», которые его «оклеветаше к православному государю еретиком и прелестником, и врага богохранимей земли Русстей»; другие лжесвидетельством подтвердили клевету. Информация основана на «Исповедании веры» прп. Максима. Но в нем названы судьи, оно обращено к тем, кто его осудил. В Сказании же субъект осуждения не указан; в следующем 13-м пункте сказано в неопределенной форме: «И тако неповиннаго заточению осуждают». Отсутствие информации о соборных судах и разбирательствах наводит на мысль об официальном происхождении Сказания, о том, что целью составителей было сгладить позицию церковных и светских властей. Это же намерение еще более ярко проявляется в Краткой редакции, где пункт 12-й, как уже было сказано, полностью отсутствует, и вся информация о таком трагическом событии жизни и судьбы сведена к одной строчке («как пострада zde в заточении»), т. е. здесь нет даже термина «осуждают», даже упоминания осуждения.

Отсутствие 12-го пункта в Краткой редакции оттеняет еще более ярко, чем в Пространной, намерение составителей свести к минимуму информацию о преследованиях прп. Максима в России, составители ограничились констатацией факта заключения и его длительности. Это наблюдение с бесспорностью свидетельствует против гипотезы Денисова об авторстве Курбского, который не упускал случая высказать обвинения в адрес московских властей.

Вслед за приведенными словами о страдании в заточении в обеих редакциях находятся слова «лет 22», обозначающие длительность заточения. В публикации Пространной редакции Белокуров соединил их со следующей фразой (пункт 14-й, описывающий тверской период), в результате чего получилось некорректное утверждение о 22 годах тверского заточения. Краткая редакция с бесспорностью показывает, что они относятся к предшествующей фразе и означают 22 года общего заточения.

Для наглядности приведем параллельно фрагменты обеих редакций. Курсивом набран краткий пересказ содержания, знаками «плюс» (+) и «минус» (–) обозначено отсутствие или наличие фрагмента в одной из редакций; подчеркнуты фрагменты Краткой редакции, отсутствующие в Пространной.

Пространная редакция

Краткая редакция

[11]			И тако девять лет преводя книги от греческа языка на словенский, удручаяся трудолюбне, и древлепреведеныя исправляя, понеже виде во многих книгах некия речи неразумны... книги разтлешася и неисправлением проидоша во многовременныя лета, <u>прочая же одостаточне описует в книзе его.</u>
		+	
		—	
[12]	<i>Зависть, клевета и лжесвидетельство «небратолюбцев»</i>		—
[13]	И тако неповиннаго заточению осуждаютъ, и бысть в заточении лет 22.		еже како пострада zde в заточении лет 22.
[14]	В граде Твери в епископии... ослабу улучи от епископа Тверскаго Акакия по благословлению преосвященнаго Иасафа митрополита		+
[15]	<i>Благословение митрополита Макария к причащению</i>		+
[16]	И написа Исповедание... и Словеса обличительна на иудеи, и на еллин, на латын, и на агарян, и иные многие Словеса, ова поучительна, иная же по вопросу ответы, иная же о неведомых вещех, и тако множество писании остави		И по сем написа «Исповедание...» и прочая <u>Словеса книги своея</u> состави
[17]	<i>Перевод из Твери в Троицу повелением великого князя Ивана</i>		+
[18]	<i>Преставление в 7064 г.</i>		+
[19]	<i>Заключение</i>		<i>Притиска</i>

Совершенно очевидно, что в Краткой редакции слова «лет 22» в пункте 13-м синтаксически относятся не к последующей фразе, а к предшествующей со сказуемым «пострада» и наречием «зде», которое является общим обозначением того места, где совершались его труды, они говорят об общей продолжительности заточения.

А следующая фраза (пункт 14-й, «В граде Твери в епископии») — уже новая единица информации, она имеет собственное самостоятельное сказуемое «улучи» («ослабу»); излагается лаконично основное событие следующего, тверского, периода жизни. Следует обратить внимание на характерное уточнение, корректирующее время наступления «ослабы» годами возглавления

митрополичьей кафедры Иоасафом и отодвигающее ее от 1531 г. Следовательно, хотя узник и получил возможность писать после 1531 г., но это еще не было полной «ослабой», она наступила лишь при митрополите Иоасафе. Косвенным подтверждением является судьба Исака Собаки, который был осужден в 1531 г., но митрополит Иоасаф не только освободил его, но даже возвысил — поставил архимандритом Московского Симонова монастыря¹⁹.

Важным в пункте 16-м является указание источника, откуда взята информация о 22-х годах заключения: «книга» самого прп. Максима. В Пространной редакции она не упомянута, однако при отсутствии термина «книга» описано более полно ее содержание, тематика созданных им произведений. В обеих редакциях упомянуто одно из них — «Исповедание веры». Названные в Пространной сочинения совпадают с контурами того собрания, корпуса, к составлению которого прп. Максим приступил сразу же после того, как получил возможность вернуться к литературной деятельности, т. е. в 1531/32 г. Это прижизненное авторское собрание открывается «Исповеданием веры»; первоначальное ядро собрания содержало 12 глав, заключительные главы (11 и 12) — «Слова отвещательные» об исправлении русских книг. Именно на них основана информация о неисправных книгах и их исправлении прп. Максимом в пункте 11-м, из них же взято и указание на количество лет заточения. В одном из этих Слов названо количество лет, в течение которых автор «обдержим люте», т. е. длительность заточения и лишения причастия, но в разных списках число лет различно, поскольку автор отправлял эти Слова разным лицам в разное время, каждый раз указывая новое число. Числа колеблются от 15 до 20, т. е. в пределах 1540–1545 гг., когда автор предпринимал особенно активные попытки доказать свою невиновность, отсутствие у него «еретического порока» и правомерность выполненного им исправления книг²⁰.

Надо полагать, что составитель Сказания располагал списком, в котором было названо максимальное количество лет — 22. 1547-й год как дата освобождения является наиболее вероятной, если учесть, что незадолго до нее грамоты Ивану IV с просьбой об облегчении участи афонского узника направили патриархи — Александрийский Иоаким (4 апреля 1545 г.) и Константинопольский Дионисий II (июнь 1546 г.)²¹. Вполне вероятно, что освобождение произошло в связи с торжествами по случаю царского венчания Ивана IV (16 января 1547 г.) и его свадьбы (3 февраля 1547 г.)²².

Как уже отмечалось, судьба прп. Максима с самого начала оказалась сопряженной с судьбой московской династии, с жизнью и заботами великокняжеской семьи, которые были событиями и государственной жизни. Царское венчание в январе 1547 г. стало апофеозом в длительной борьбе за престол, начавшейся еще в 90-х гг. XV в., и вопрос о наследнике престола всегда стоял остро, приобретая разные формы. Милость к осужденному была и естественной, и уместной: ведь в свое время просьба отца Ивана Грозного молиться о даровании наследника сопровождалась просьбой о переводчике, каковым оказался прп. Максим. То, что еще находили невозможным в 1531 г., стало возможным в 1547 г.

**О дате перевода в Троицу
и соотношении тверского и троицкого периодов,
об авторе Сказания**

В пункте 17-м автор не сообщает даты перевода прп. Максима Грека в Троице-Сергиев монастырь, ограничившись информацией о том, что он был «изведен» из Твери в Троицу по велению Ивана IV. О роли троицкого игумена Артемия в судьбе прп. Максима сообщает другое Сказание («Сказание известно», или «Сказание достоверное», № V в публикации 2006 г.); следовательно, оно связывает переход с 1551 г. Но при этом выделен еще предшествующий ему московский период: сначала, «по молебному словеси» игумена Артемия, царь и великий князь Иван Васильевич повелевает Максима «с честию к себе взяти на Москву и быти ему в ослабе», о переходе в Троицу ничего не говорится, но далее сообщается о его кончине в этой обители. Здесь использован тот же термин «ослаба», что и в предыдущем Сказании, но он связан уже с другими лицами и с более поздним периодом (Артемий был игуменом в 1551 г.).

Более достоверным представляется утверждение предыдущего Сказания об «ослабе» при митрополите Иоасафе. В пользу этого свидетельствует и аналогичное действие митрополита по отношению к другому осужденному — Исаку Собаке, и еще одно обстоятельство, впрочем косвенное. В «Сказании о Максиме иноке, святогорце» о переводе в Троицу говорится в пункте 17-м, а о содержании «книги Максима Грека», о составе основного ядра авторского собрания сочинений автор пишет в предыдущем пункте 16-м, из чего следует, что он исходит из факта создания «книги» (ее основной части) еще в Твери; этим расширяется объем творчества тверского периода. В этой связи уместно вспомнить, что одна из рукописей этого авторского собрания (РГБ, ф. 173, МДА 42) имеет запись о принадлежности митрополиту Иоасафу и свидетельствует о его интересе к творчеству Максима Грека. Нельзя исключить того, что он, будучи митрополитом и, безусловно, покровительствуя тверскому узнику, поддерживал его замысел объединить в целостном корпусе основные сочинения (включая «нестяжательские») и приобрел для себя книгу, в которой замысел получил воплощение.

Нельзя исключить того, что завершение работы происходило в Москве либо в Троице-Сергиевом монастыре. О московском периоде (условно с 1547 по 1551 г.) можно говорить лишь на основе недостаточно четкого известия «Сказания достоверного», в котором информация о роли троицкого игумена Артемия отличается противоречивостью: «ослаба» связана с его именем, хотя гораздо более вероятно, что она произошла раньше, при митрополите Иоасафе. Связь ее с именем Артемия отодвигает освобождение к 1551 г., что также противоречит другим данным. Ошибочно утверждение о смерти игумена Артемия в Троице-Сергиевом монастыре ранее кончины прп. Максима.

Значение «Сказания о Максиме иноке, святогорце» прежде всего в том, что оно создает основную канву для воссоздания биографии после 1531 г. В нем просматривается тенденция смягчить, ослабить роль светских и церковных

властей в осуждении ученого монаха, что указывает на те круги (официальные или полуофициальные), с которыми связано происхождение текста.

Что касается авторства «Сказания о Максиме иноке святогорце», то одним из аргументов Денисова было наличие и в нем (пункт 6-й), и в одном из сочинений Курбского²³ рассказа о сожжении латинянами греческих книг после падения Константинополя. Однако объяснение сходства текстов принадлежностью их одному автору (основной методический прием Денисова) не является единственно возможным. Можно предложить и другие варианты объяснения. Один из них (более простой, но менее вероятный) состоит в том, что и Курбский, и автор Сказания передают независимо друг от друга устный рассказ самого прп. Максима, при этом Курбский прямо на него ссылается (слышал при личной встрече), а автор Сказания мог его получить от какого-либо другого участника этих бесед (либо непосредственно, либо через цепь передач).

Другое объяснение основано на том, что близость двух текстов может быть включена в ряд фактов, свидетельствующих о литературных контактах 80–90-х гг. XVI в. между московскими кругами, близкими к официальным церковным властям, к Чудову монастырю, и просветительскими кругами Великого княжества Литовского, их издательской деятельностью, которые, в свою очередь, были связаны с милянвичским кружком Курбского (его деятельность освещена в книге В. В. Калугина). Так, в сборник чудовского происхождения (ГИМ. Чуд. 236) включено изданное в 1586 г. в типографии Мамоницей в Вильно сочинение Иоганна Спангенберга «О силлогизме», переведенное либо Курбским, либо одним из участников его кружка²⁴. Сборник Чуд. 236 относится к 90-м гг. XVI в. (нижняя грань определяется упоминанием Патриарха в «Лествице властей», верхняя — тем, что рукопись является вкладом 1600 г. в Чудов монастырь архимандрита Пафнутия).

В собрания сочинений прп. Максима Грека конца XVI в. (Синодальное и в составе рукописи Парижской национальной библиотеки Slav. 123) включен еще один перевод, изданный в той же типографии в 1585 г., а именно «Диалог», или «Прение», Константинопольского Патриарха Геннадия Схолария с Амуратом, т. е. султаном Мехмедом II. Предисловие к переводу написано Курбским, в нем содержится высокая оценка личности и творчества прп. Максима, он назван «новым исповедником». Издание «Диалога» было посвящено Остафию Воловичу, подканцлеру Великого княжества Литовского, имело изображение его герба²⁵.

Исайя Каменчанин направился в Москву в 1561 г. по поручению Остафия Воловича, который был, видимо, его покровителем, поэтому в Исае можно предполагать одного из проводников указанных литературных контактов и присоединиться к мнению Калугина (основанному на другой совокупности фактов): «Связь между разделенными огромным расстоянием Курбским и Исайей Каменчанином перестает быть невероятной и необъяснимой»²⁶. Несмотря на кажущуюся связь выявленных фактов с гипотезой об авторстве Курбского, следует все же заключить, что эта связь именно кажущаяся. Можно говорить о литературных контактах, но высказывать какие-либо суждения об

авторе преждевременно. Нельзя исключить, что автор мог быть не один, их могло быть несколько; вопрос пока остается открытым.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Россия и греческий мир в XVI веке. В двух томах. М., 2004. Т. 1. С. 127–131, 153–159, 334–340; Сборник Русского исторического общества. СПб., 1895. Т. 95. С. 105–106, 369–370, 427, 474, 495–496.
- ² *Синицына Н. В.* Сказания о преподобном Максиме Греке. М., 2006 (далее — Сказания); *Белокуров С. А.* О библиотеке московских государей. М., 1899. Приложения.
- ³ Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 2. Казань, 1860. С. 269–319.
- ⁴ Сказания. С. 5.
- ⁵ Описи архива Посольского приказа 1626 г. / Подгот. к печати В. И. Гальцов, под ред. С. О. Шмидта. М., 1977. С. 71.
- ⁶ Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки / Изд. подгот. Н. Н. Покровский, под ред. С. О. Шмидта. М., 1871. С. 97.
- ⁷ Там же. С. 120–125.
- ⁸ Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 1. Казань, 1860. С. 369–376 (цитируется в переводе автора статьи).
- ⁹ Подробнее см.: *Синицына Н. В.* Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции. XV–XVI вв. М., 1997. С. 175–177; *её же.* Максим Грек в России. М., 1977. С. 87.
- ¹⁰ Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 1. С. 452–453.
- ¹¹ *Зимин А. А.* Выпись о втором браке Василия III // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом). Т. 30. Л., 1976. С. 143.
- ¹² К аргументам А. А. Зимина, доказывавшего позднее происхождение памятника (начало XVII в.), можно добавить еще один. Русский церковный Собор неоднократно называется «вселенским», что появляется, по-видимому, после учреждения патриаршества и встречается также в других памятниках; например, назван «вселенским» Собор 1 июня 1591 г., на котором было установлено общецерковное празднование прп. Иосифу Волоцкому (см.: *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1998. С. 116–117). Впрочем, нельзя исключить, что в основе Выписи находился какой-то более ранний текст. Аналогичная ситуация характерна, например, для «Повести о новгородском белом клобуке» и ряда других памятников.
- ¹³ *Синицына Н. В.* Максим Грек в России. С. 265–270.
- ¹⁴ Сказания. С. 77–88.
- ¹⁵ *Соболевский С. И.* Переводная литература Московской Руси: Библиографические материалы. СПб., 1903; *Denissoff E.* Une biographie de Maxime le Grec par Kourbsky // *Orientalia Christiana Periodica*. Roma, Vol. 20. N 1/2. P. 44–84; *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный: (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998. С. 81, 85.
- ¹⁶ Нижегородская государственная областная универсальная научная библиотека им. В. И. Ленина, ф. 1, оп. 1, № 9, л. 5–10; Сказания. С. 26–27, 29; *Синицына Н. В.* Максим Грек в России. С. 262–263.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

- ¹⁷ Сказания. С. 84–88; В шифре рукописи в издании допущена опечатка, следует: Сол. 752/862. Правильный шифр указан на с. 34.
- ¹⁸ *Синицына Н. В.* Максим Грек в России. С. 227; воспроизведение записи см.: *Иванов А. И.* Литературное наследие Максима Грека: Характеристика, атрибуции, библиография). Л., 1969. С. 25, 210 (автографом запись не является).
- ¹⁹ Судные списки. С. 125–126.
- ²⁰ *Синицына Н. В.* Максим Грек в России. С. 154.
- ²¹ Россия и греческий мир. С. 352–358.
- ²² Полное собрание русских летописей. Т. 13. М., 2000. С. 151–152.
- ²³ *Попов А.* Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872. С. 118; *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 85 и др.; Сказания. С. 43; *Синицына Н. В.* Русские тексты о судьбе греческих книг после падения Константинополя // Византия и Русь: Сб. памяти В. Д. Лихачевой. М., 1989. С. 236–246.
- ²⁴ *Гусева А. А.* Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века: Сводный каталог. М., 2003. Кн. 1–2. С. 715, № 102; *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 87.
- ²⁵ *Гусева А. А.* Издания кирилловского шрифта. С. 678–679, № 95; *Калугин В. В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 82, 86–89.
- ²⁶ Там же. С. 272.